

НОВЫЕ ИЗДАНИЯ КЛАССИКОВ ОБЩЕСТВЕННОЙ МЫСЛИ

НОВОЕ ИЗДАНИЕ «БЫЛОГО И ДУМ» А. И. ГЕРЦЕНА

(А. И. Герцен. «Былое и думы» в трех томах, под редакцией Л. Б. Каменева.
«Academia», 1932).

В письме к М. К. Рейхель от 24 января 1857 г. Герцен пишет по поводу начатых изданием «Былого и дум»: «Очень уж хвалите. Да я, ведь, эдак и еще томов пять напишу, а потом «записки о записках», да уж мне кажется, что я жил-то для «записок»...»

Шутливое преувеличение, характеризующее форму этого высказывания, не должно скрыть от нас большую значимость его содержания. «Былое и думы» писались более 15 лет. Именно это произведение может быть названо делом жизни, по крайней мере литературной деятельности Герцена. Для автора «Былого и дум» взаимоотношения литературы и жизни, жизненной практики и художественного творчества рано стали острой проблемой. С юношеских лет Герцен стремился к жизни, достойной литературного оформления, и к «пережитой» литературе; еще в вятской ссылке он не хотел быть только писателем.

«Былое и думы» реализовали это давнее стремление. Героем «Былого и дум» стал Герцен-революционер, мыслитель, публицист. Этот роман о себе самом не был обращен лишь к прошлому. Недаром читаем мы в одном еще неопубликованном письме Герцена: «... чем кровнее, чем сильнее вживается художник в скорбь и вопросы современности, тем сильнее они выразятся под его кистью». «Скорбь и вопросы современности» насыщают собой «Былое и думы», и в этом корни силы, глубины, блеска, живости, темперамента, присущих этому произведению, для которого обозначение «мемуары» с сопутствующими ему традиционными представлениями кажется неверным, старческим, пыльным.

Воспоминания о былом служили здесь материалом для дум о настоящем и вдохновляли борьбу за будущее.

«Былое и думы» — самое полное, яркое и многостороннее свидетельство о жизни, деятельности, мировоззрении и творчестве Герцена. А ключ к верному пониманию этого свидетельства — ленинская статья «Памяти Герцена».

Сопоставление ленинской статьи и «Былого и дум», сопоставление, на котором мы сейчас и остановимся, покажет нам, в какой мере обобщающие социологические оценки и определения Ленина конкретны и историчны, как они учитывают и общие исторические закономерности, влиявшие на деятельность и мировоззрение Герцена, и индивидуальное своеобразие именно его идейного пути.

Герцен сумел историю своей жизни органически слить с историей его эпохи. Он в «Былом и думах» видел «отражение истории в человеке, случайно попавшемся на ее дороге». Но дав во многом верное и яркое отображение отдельных этапов современной ему истории, некоторых ее тенденций, Герцен не дошел до целостно-правильного ее понимания, до объективно верного понимания собственной роли, до точки зрения научного социализма. Поэтому в «Былом и думах» много черт, навеянных и романтической идеализацией, и индивидуалистическим скептицизмом, отражающими «остановку»

(Ленин) Герцена перед историческим материализмом. И только ленинская мысль выводит нас за пределы субъективных тенденций и замыслов Герцена, учит нас исторически оценить автора «Былого и дум», его деятельность и мировоззрение, а тем самым и правильно определить «роль разных классов в международной и русской революции». «Герцен принадлежал, — пишет Ленин, — к поколению дворянских помещичьих революционеров первой половины прошлого века». Далее Ленин цитирует Герцена, сказавшего, что декабристы пошли на собственную гибель для того, чтобы «разбудить к новой жизни молодое поколение и очистить детей, рожденных в среде палачества и рабства», и продолжает: «К числу таких детей принадлежал Герцен. Восстание декабристов разбудило и «очистило» его».

А в заключении своей статьи Ленин так характеризует первое из «трех поколений, трех классов, действовавших в русской революции»: «Сначала дворяне и помещики, декабристы и Герцен. Узок круг этих революционеров, страшно далеки они от народа».

Эта лаконичная характеристика дает все необходимое для того, чтобы правильно понять первую и вторую части «Былого и дум». Эти главы рисуют детство и юношество Герцена, они содержат взволнованный и поэтический рассказ о светлой молодости, полной гордых надежд и смутных, но свободолюбивых мечтаний. «Девичья и передняя», быт прислуги в барском доме, люди, ожесточенные и сломленные рабством, тревожные разговоры и слухи, порожденные событием 14 декабря, учитель, приносящий с собою на урок тетрадки с запрещенными стихами Пушкина и Рылеева, наконец присяга Герцена и Огарева — подростков на Воробьевых горах, их обещанье «пожертвовать нашей жизнью на избранную нами борьбу» — таковы эпизоды, рисующие «нравственное пробуждение» Герцена, если использовать его собственное выражение.

Но эти эпизоды служат превосходной иллюстрацией к указанию Ленина на оторванность от народа той революционной струи, которую представляли собой московские друзья. Вдвоем с Огаревым Герцен уже не казался себе одиноким, уже ощущал себя силой! И исторически он был прав, потому что лет на десять позже действительно и буквально одинокий Печерин бежал из «шпионствующей России», даже не помышляя о борьбе, а зато страшно боясь собственной слабости, возможности стать покорным рабом николаевского режима.

Крестьянские массы как революционная сила не существовали для Герцена в 40-е и 50-е годы. В его саркастическом изображении крепостнических порядков и царской бюрократии ощущается заступничество за народ, но нет чувства непосредственного страдания, здесь мало той страстной ненависти революционера-демократа, которая воодушевляет письмо Белинского Гоголю. Поэтому в «русских» частях «Былого и дум» рядом со страшным и горьким так много забавного и анекдотического.

Ленин пишет о Герцене: «В крепостной России сороковых годов XIX века он сумел подняться на такую высоту, что встал в уровень с величайшими мыслителями своего времени. Он усвоил диалектику Гегеля... Он пошел дальше Гегеля, к материализму, вслед за Фейербахом...» Здесь в краткой формулировке дан ступок той идейной эволюции Герцена, которая нашла свое отражение в IV ч. «Былого и дум». Читатель узнает, как крепнет, становится все более самостоятельной, закаляется в расколе, в отмежевании от славянофилов, откровенно ищущих компромисса с крепостничеством, от буржуазных либералов, от идеалистов теоретическая мысль Герцена. Так еще смутно, еще в интимно-домашних спорах с Грановским, еще вдалеке от острых политических вопросов, еще по преимуществу на философском материале обнаруживались тенденции того размежевания либерализма и демократизма, которое переросло в обнаженную политическую борьбу лишь в конце 50-х годов.

Но еще очень мало оформленные и осознанные демократические тенденции Герцена (не следует забывать, что Герцену и в 60-х годах присущи были, по выражению Ленина, «отступления от демократизма к либерализму») являлись передовыми только в классовой обстановке, создавшейся в крепостнической России. Иначе обстояло дело в Западной Европе, в условиях политической ситуации 1848 года, непосредственным свидетелем событий которого и оказался отправившийся за границу Герцен.

Герцен, как пишет Ленин, «был тогда демократом, революционером, социалистом».

Но его «социализм» принадлежал к числу тех бесчисленных в эпоху 1848 года форм и разновидностей буржуазного и мелкобуржуазного социализма, которые были окончательно убиты июньскими днями. В сущности, это был вовсе не социализм, а прекрасноречивая фраза, доброе мечтание, в которое облекала свою тогдашнюю революционность буржуазная демократия, а равно и невысвободившийся из-под ее влияния пролетариат.

Духовный крах Герцена, его глубокий скептицизм и пессимизм после 1848 года был крахом буржуазных иллюзий в социализме. Духовная драма Герцена была порождением и отражением той всемирно-исторической эпохи, когда революционность буржуазной демократии уже умирала (в Европе), а революционность социалистического пролетариата еще не созрела.

Поразительна та разница, которая ощущается между последними главами IV и первыми V части «Былого и дум». Наболевшая горечь, душевное отчаяние, озлобленность, настроения разрыва с прежними верованиями, тяжелая безысходная грусть сменяют улыбку, романтический порыв, веру в будущее. Правда, что и детство, и московский период своей жизни Герцен рисовал уже за границей, уже потерпев «духовный крах», но светлая атмосфера тех далеких лет не теряла своего обаяния над Герценом, видевшим июньские дни Парижа 1848 г. Наоборот, темному настоящему противостояли светлые тени прошлого. Конечно, Герцен стремился вырваться из царской России, конечно на него давил грубый жандармский произвол, но тогда он жил надеждами на западноевропейскую революцию, уверенностью в ней и в себе, он уезжал за границу «с опрометчивой самонадеянностью, с надменным доверием к жизни...» («Друзьям на Руси»). В 1848 г. «все рухнуло» именно потому, что социализм Герцена был «прекрасноречивой фразой, добрым мечтанием», потому что он не знал суровой правды классовой борьбы. «Духовный крах» Герцена не был в то время единичным. Такое крушение испытали в период 1848 г. многие мелкобуржуазные «социалисты». Некоторые из них уходили в религию и в открытую контрреволюцию, многие — в социально-политическую романтику, в пустословие и обреченность демократической эмиграции, в отставание «буржуазных иллюзий в социализме».

Но если слабые стороны мировоззрения Герцена обусловили его идейное крушение, то сильные стороны направили его скептицизм против этих иллюзий. Герцен разуверился в мелкобуржуазной революционной фразе, в исторической роли буржуазной демократии в Западной Европе в том, что Луи Блан, Маццини и им подобные могут совершить революционную переделку мира. И в этом смысле, несмотря на мрачный пафос скептицизма, отражение событий революции 1848 г. в «Былом и думах», созданная в этом произведении длинная и яркая галерея мелкобуржуазных революционеров (V и VI ч. «Былого и дум») поражают остроумным, трезвым, метким, реалистическим вскрытием ряда слабых сторон этих исторических деятелей.

А наряду с этим мы видим в «Былом и думах» и совершеннейшее непонимание Маркса, и соответствующая глава (правда, следует иметь в виду, что она самим Герценом никогда напечатана не была, хотя и была написана в 50-х годах, что в письмах Герцена в 60-х годах содержатся косвенные, но принципиально иные оценки Маркса) превращается в резкий и явно извращающий подлинные факты памфлет, подробно проанализированный Л. Каменевым в его вступительной статье к I тому «Былого и дум».

Но подмечая очень часто остроумно и верно черты фразерства, мистицизма, националистической ограниченности и в наиболее видных деятелях лондонской демократической эмиграции, Герцен, никогда не дошедший до Марксова учения о классовой борьбе, не мог понять классовых корней слабости и обреченности этих людей. А «не поняв буржуазно-демократической сущности всего движения 1848 года и всех форм домарковского социализма, Герцен тем более не мог понять буржуазной природы русской революции. Герцен — основоположник «русского» социализма, «народничества». Герцен видел «социализм» в освобождении крестьян с землей, в общинном землевладении и в крестьянской идее «права на землю» (Ленин).

Так Ленин, уже ранее подчеркивавший то, что «революционность буржуазной демократии умирала (в Европе)», фиксирует историческое своеобразие положения Герцена, разуверившегося в революционной роли буржуазной демократии в Западной Европе, но оказавшегося демократом-народником в отношении социальных вопросов России, где только в конце 50-х годов демократия, игравшая революционную роль, решительно отмежевывалась от либерализма, где «в эпоху Чернышевского... демократизм и социализм сливались в одно неразрывное, неразъединимое целое» («Что такое «друзья народа»»). Но при этом демократизм Герцена, принадлежащего к поколению дворянских революционеров, был гораздо менее непримиримым и боевым, чем демократизм Чернышевского. Ленин писал: «Чернышевский, Добролюбов, Серно-Соловьевич, представлявшие новое поколение революционеров-разночинцев, были тысячу раз правы, когда упрекали Герцена за эти отступления от демократизма к либерализму. Однако справедливость требует сказать, что, при всех колебаниях Герцена между демократизмом и либерализмом, демократ все же брал в нем верх».

Этот разрыв с либерализмом и вместе с тем эти колебания между либерализмом и демократизмом нашли свое наиболее отчетливое отражение в главах VII части «Былого и дум» («Русские тени»). Герцен здесь с болью говорит о своем «распадении» с «обществом», т. е. с либералами, которых он лишь постепенно учился презирать, а вместе с тем допускает полные барского пренебрежения и непонимания выпады против молодой эмиграции и сводит революционную непримиримость революционеров-разночинцев к «студенческой опрометчивости».

После 1848 года Герцен пытался замкнуться в себе, в гордом одиночестве, опирающемся на «отвагу знания», на трезвое познание мрачной действительности, на непреклонное решение освободить свое мировоззрение от всех и всяческих иллюзий.

Но по мере того как развивалось международное рабочее движение и все более и более наглядно обнаруживалась сила марксова учения, по мере того как ширилось и углублялось движение русской революционной демократии, Герцен, пусть внутренне сопротивляясь, но непреодолимо приходил к пессимистической переоценке своего мировоззрения и своей собственной роли, роли человека, слишком мало сделавшего для того, чтобы «изменить мир».

Эти новые тенденции наиболее резко сказываются в VIII части «Былого и дум», написанной в конце 60-х годов и отличающейся прерывистостью, лоскутностью и нервною изложением. Здесь бегло, намеками отражены думы и образы, стоявшие перед Герценом в последние годы его жизни, и тяжелые настроения разочарования в самом себе и в своей исторической роли, настроения «самопрезрения», о котором Герцен говорит в одном из своих писем к Огареву. Здесь мы видим воочию, как терпит поражение созданная Герценом после 1848 года идея одинокого, индивидуалистического, якобы безусловно правильно понимающего действительность революционера, идея, которой Герцен пытался прикрыть свой «духовный крах»; здесь же слышится приветствие приближающегося к концу своей жизни Герцена молодому русскому революционному поколению. Восьмая часть «Былого и дум» показывает нам, что произведение это было подточено изнутри, что в нем самом были заложены элементы распада. Пессимистическая самооценка Герцена развенчивала героя «Былого и дум» и тем самым лишала этот роман его стержня.

В заключение же этой части настоящей статьи укажу на то, что менее всего отразились в «Былом и думах» народнические стороны мировоззрения Герцена. Объясняется это тем, что Герцен не знал русской деревни и не мог ее показать в художественных образах, подтверждающих его народническую концепцию, и тем, что «Былое и думы», за исключением первых частей, строились на материале эмигрантской жизни автора*.

* В этой же связи я должен отметить, что в моей книге «А. И. Герцен и «Былое и думы» (изд. «Федерация», 1930) — вообще исторически мало конкретной и социологически очень нечеткой — я, пытаясь на основе «Былого и дум» дать общую характеристику Герцена, допустил явную недооценку народнических элементов его мировоззрения. Поэтому в ряде мест моей работы допущено неправильное, вульгаризирующее и искажающее толкование ленинского анализа идейной эволюции Герцена.

Лежащие перед нами три тома «Былого и дум» являются первым марксистским, научно комментированным, текстологически проверенным и исправленным изданием этого замечательного произведения.

Перед таким изданием стояли не обычные трудности. Герцен писал это свое произведение более 15 лет, значительные части «Былого и дум» остались неопубликованными при жизни автора, а еще более значительные при его жизни появились только в виде отрывков в периодических изданиях; документа, который определял бы волю Герцена в отношении расположения всех частей и глав «Былого и дум», нет. Как показал Л. Каменев в статье «История создания, содержание и издание «Былого и дум», творческая история этого произведения сводится к постепенному перерастанию «мемуара» о пережитой Герценом семейной трагедии, — мемуара, который должен был стать обвинительным актом против Гервега, — в произведение большого общественно-политического размаха, и в итоге интимно-личные главы и после смерти Герцена еще долго оставались в рукописном фонде семейного архива.

Безусловно прав редактор, подчеркивая в своей вступительной статье, что то расположение многих глав, которое имело место в изданиях «Былого и дум», выходявших при жизни автора, было условным и временным, поскольку удалены были столь существенные для самого Герцена главы, рисовавшие его «частную» жизнь. Ввод же «частных» глав должен был отразиться на композиции всего произведения, делая излишним многие временные пристройки, случайные соединения и т. п.

Наконец следует помнить общий очерковый характер построения «Былого и дум», особенно во второй их половине, позволявший тасовать отдельные, до известной степени самостоятельные и условно связанные главы, давать их, как это и делал Герцен, в различных комбинациях, в зависимости от того, печатались ли они в отдельном издании, или в журнале.

В виду всего этого новое издание «Былого и дум» требовало от редактора умения и решительности отказаться от традиционного текста «Былого и дум», аналитического выяснения и обоснования необходимых изменений, такта, чуткости и смелости в операциях над живым художественным организмом. Следует признать, что в основном и главном новое издание всем этим требованиям удовлетворяет: внесенные в «чтение и расположение частей и глав крупные изменения», мотивированные анализом и творческой историей произведения, и идейной эволюции его автора, несомненно соответствуют внутренней логике «Былого и дум», распутывают многие неясности их композиции в том ее виде, какой явился результатом прежнего случайного и поверхностного подхода к изданию текста, содействуют лучшему пониманию замысла и намерений автора, устраняют многие бесформенности, облегчают чтение.

Так например, исходя из случайного журнального расположения отрывков, в прежних изданиях «Былого и дум» оторваны были друг от друга две части рассказа о Бартелами, при чем помещение между ними очерка о суде над Барнаром, замешанным в дело Орсини, превращало в героя всей этой главы не Бартелами, а английского судью, председательствовавшего на всех трех процессах. В настоящем издании разрушенное единство восстановлено.

Или другой пример: статья Герцена о книге Д.-С. Милля «On Liberty» печаталась до сих пор как конец главы о жизни эмиграции (главным образом французской) в Лондоне только потому, что в «Полярной Звезде» эта глава и эта статья, никак между собою не связанные, были напечатаны рядом...

Наибольшие изменения, и с полным основанием, внесены в V, VI и VII части «Былого и дум».

В V части текста достигнута теперь и несравненно большая последовательность изложения, и, что особенно важно, выпукло выступает параллельное и взаимозависимое развитие общественной и личной драмы Герцена, связь «частного» и «общего», столь характерная вообще для его творчества и обусловившая реконструированное сейчас раздвоение на отделы «Outside» («Внешнее») и «Inside» («Внутреннее»). Разделение же единой в старых изданиях VI части на две (VI—«Англия» и вновь «организован-

ная» VII — «Русские тени») также соответствует намерениям автора, изложенным в его письме к Вырубову 1867 года, и создает две цельные галереи политических персонажей.

Итак общие принципы и приемы восстановления текста, положенные в основу своей работы редактором настоящего издания, верны и целесообразны. Очень существенно следующее указание Л. Каменева: «Архитектурная стройность имеет не только самостоятельный интерес: она теснейшим образом связана с возможностью изучения подлинных идей Герцена и их эволюции. Дело в том, что Герцен в «Былом и думах» неоднократно возвращается к одним и тем же событиям, к одним и тем же лицам, при чем каждое подобное возвращение дает новую черту или новый вариант в оценке Герценом этих событий или лиц... Ясно значение этой эволюции взглядов Герцена для общей характеристики его позиции, ясно также, что установить эту эволюцию без приведения в определенный порядок записей «Былого и дум» невозможно».

И действительно данное издание значительно облегчает изучение идейной эволюции Герцена. Но именно поэтому невозможно согласиться с одним очень значительным изменением, точнее пропуском, сделанным в тексте «Былого и дум».

Мы говорим об исключении из «Былого и дум» очерка-статьи «Роберт Оуэн». Формальные основания, приводимые здесь Л. Каменевым, во всяком случае недостаточны. Что же касается аргументов по существу, то указание, что «VI часть «Былого и дум» посвящена лондонской эмиграции, Роберт Оуэн, однако, не был эмигрантом», — мало убедительно; ведь сам Герцен определил тему VI части так: «Лондон и эмигранты нерусские», да и названа эта часть — «Англия». Кроме того при таком узком понимании темы V части уже совсем не могла бы найти в ней место статья о Милле, все-таки помещенная Л. Каменевым. А «Роберт Оуэн» в конструкции «Былого и дум» ценен и важен именно потому, что представляет собой существенный этап в эволюции взглядов Герцена на действительность и ее движущие силы. Исключение «Роберта Оуэна» обуславливает выпадение звена этой эволюции, звена, промежуточного между статьей о Милле и мыслями VIII части.

Как раз в очерке об Оуэне, относящемся к 1861 году, Герцен до известной степени рвет с бездейственным скептическим созерцательством, характерным для него после «духовного краха» 1848 года.

Отметим еще некоторые частности текстологических изменений, внесенных редактором, которые нам представляются спорными.

Если общий принцип нового деления V части вполне оправдан, то оформление, а отчасти и расположение тех отрывков, которые ранее были собраны в «Западных арабесках», вызывают сомнения.

Недаром Герцен назвал эти отрывки «арабесками» и, выделив их из общего поглавного распределения, подчеркнул их специфическую композиционную роль, своеобразие их замысла и тона. В самом деле этим отрывкам присущи фрагментарность, интимность и напряженная лиричность, а вместе с тем и публицистичность, выделяющие их из общего состава данной части «Былого и дум».

Правильно и удачно в данном издании в начале V части собраны все отрывки (о том, что «Тифондой горячке» следовало бы, по нашему мнению, дать другое место, мы скажем ниже), касающиеся политических событий 1848 года, ранее разбросанные и разрозненные. Но думается, что неудачно их соединение в виде цельной главы с общим заголовком. Дело здесь и в том, что обычно длинный заголовок у Герцена является как бы остроумно-лаконичным предметным указателем к данной главе и в нем перечисляются персонажи, ситуации и эпизоды, в ней встречающиеся. Но в тех случаях, когда заголовок носит менее конкретный, более условный и эмоциональный характер, Герцен обычно избегает длинного заглавия, точно называет каждый отрывок, отделяя его заглавием от другого (см. например отрывки VIII ч. «Былого и дум»). Поэтому и такие отрывки, как «В грозу», «После грозы» и «Приметы», следовало озаглавить каждый отдельно, и тогда возможно было сохранение композиционной общности «Западных арабесок», наиболее непосредственно и жгуче отражающих «духовный крах» Герцена.

Что же касается «Тифоидной горячки», то этот кусок упоминанием встречи с Гервегом настолько тесно связан с «внутренним», «частным» отделением V части «Былого и дум», что именно с него и следовало начать это отделение; ведь и при данном расположении пришлось введение к «Inside» сопроводить ссылкой, отсылающей читателя к «Тифоидной горячке», а и без последней глава «1848» не потерпела бы серьезного ущерба.

В целом же следует признать, что текстологическая работа, проделанная в данном издании «Былого и дум», приобретает принципиальное значение, выходящее за пределы данного произведения. Методология текстологической работы у нас еще по большей части подчинена формалистским, псевдо-научным традициям. Игнорируя внутреннюю логику данного произведения и социальную обстановку его создания, у нас зачастую отдают «принципиальное» предпочтение первоначальному журнальному тексту или последнему, просмотренному автором издания, не подвергая текст анализу по существу и, в лучшем случае, загоняя все варианты, цензурные выброски и т. п. в комментарий. В этом отношении данное издание является едва ли не первым в нашей литературоведческой практике и удачным опытом большой марксистски обоснованной текстологической работы, исходной позицией которой был правильный социологический анализ «Былого и дум».

Основной задачей комментария и указателей к рассматриваемому изданию «Былого и дум», занимающих в общей сложности свыше тридцати листов, было воссоздание «той общественной и идейной атмосферы, в которой развивались мировоззрение и публицистическая деятельность Герцена», предоставление читателю сравнительно исторического материала для сопоставления тех или иных высказываний Герцена с высказываниями его современников, в частности Маркса и Энгельса. В обширном же указателе даны политические характеристики лиц, упоминаемых в «Былом и думах», причем эти справки поставлены в тесную связь с тем, какую роль то или иное лицо играло в жизни или идейном развитии Герцена.

Бесспорно, что и комментарий, и указатель выполняют поставленные себе задачи, превращаясь в сущности в самостоятельный, своеобразный, ценный, а главное отсутствующий в нашей литературе справочник по истории международной и русской общественной мысли 30—60-х годов XIX века, давая сведения и о второстепенных деятелях, уточняя многие спорные факты и характеристики (так например, политическую роль Н. И. Сазонова).

Однако нельзя все же признать комментарий исчерпывающим, особенно если подойти к нему, как к своего рода «энциклопедии» по Герцену, на что невольно толкает широкий размах этой работы.

Относительно слишком мало дано сопоставлений с русскими современниками Герцена, особенно с Чернышевским, в частности с его оценками международных политических событий. Между тем именно в этой связи представлялось возможным уточнить взгляды Герцена и Чернышевского на взаимосвязь международного и русского революционного движения, подчеркнуть отличие народничества Герцена от народничества Чернышевского в разрезе оценки революционных перспектив, показать, что для последнего русская революция представлялась гораздо более зависимой от нового революционного подъема на Западе, чем для Герцена. Недостаточно также освещены в комментарии вообще очень мало выясненные расхождения Герцена с молодой эмиграцией.

Мало также сравнительного материала для оценки философских высказываний Герцена, а в порядке сопоставления — и Чернышевского. Здесь чрезвычайно существенен вопрос о том, насколько Герцен и Чернышевский преодолевали «созерцательный материализм» Фейербаха (выражение Маркса в тезисах о Фейербахе), насколько каждый из них в общепhilosophическом разрезе подошел к пониманию революционной практики. Мало также в комментарии данных для сравнительной оценки философских взглядов Герцена и Прудона.

Больше сопоставлений следовало бы дать и в отношении первых частей «Былого и дум». Здесь любопытно было бы поставить рядом характеристики отдельных эпизодов жизни царской России, данные Герценом и Белинским (например Голохвастов в «Бы-

лом и думах» и Голохвастов в письмах Белинского), Герценом и Щедриным (Вятка в «Былом и думах» и «Губернские очерки»). Эти сопоставления могли бы сделать еще более рельефными черты Герцена как революционера, принадлежавшего к дворянской, барской среде.

Укажу в заключение на то, что в комментарии «Маццини, Гарибальди и Герцен» не подчеркнуты своеобразные отличия в отношении Герцена к этим двум деятелям итальянского национально-освободительного движения. Герцен относился к Гарибальди гораздо менее критически, чем к Маццини, потому что первый импонировал ему как практик национальной революции, добившийся в своей деятельности конкретных и осязательных результатов, как человек реального дела.

Ж. Эльсберг

ПОЛНОЕ ПЕРЕИЗДАНИЕ «КОЛОКОЛА» А. И. ГЕРЦЕНА

Академия Наук СССР совместно с Союзкизовым предприняли переиздание «Колокола» Герцена (общая редакция — А. Б. Каменева).

Нельзя не приветствовать это начинание. «Колокол» — библиографическая редкость, а между тем место, занимаемое им, столь значительно, он такими крепкими нитями связан с русской жизнью второй половины XIX в., что редкая работа по истории русской общественности или литературы этого периода может обойтись без обращения к его номерам, или «листам», как неизменно говорили Герцен и Огарев.

Еще до окончательного приезда Огарева в 1855 г. Герцен выпустил в Лондоне первую книжку «Полярной Звезды» — сборник, названный так в честь одноименного альманаха А. А. Бестужева (Марлинского) и К. Ф. Рыльева (1823—1825). «Полярная Звезда», с профилями пяти казненных декабристов на обложке, хотела продолжить традицию, прерванную казнями и каторгой после 14 декабря 1825 г. «Вопросы русского освобождения и распространения в России свободного образа мыслей» — вот к чему сводилась программа издания Герцена.

В 1856 г. окончательно приехал в Лондон Огарев, принял участие во второй книжке «Полярной Звезды» и, так как выяснилось, что эти сборники не могут выходить точно периодически, поднял вопрос об издании рядом с ним другого органа. Последний должен был более живо, часто, непосредственно, а главное периодически откликаться на русские влады дья. Кроме того по своей внешности (тонкая бумага, формат в 4°, что допускало свертывание и упаковку в почтовые конверты) он должен был быть более удобен для нелегального

ввоза в Россию, чем толстые, солидные книжки «Полярной Звезды».

Так возник «Колокол», сыгравший огромную роль в русском освободительном движении.

Вместе с другими изданиями лондонской «Вольной русской типографии» («Полярная Звезда», «Общее вече», «Под суд») «Колокол» открыл свои страницы для свободного, безбоязненного, властного обличения всех безобразий крепостного и царского режима. Успех «Колокола» был необычайно велик. Несмотря на все усилия царского правительства преградить «Колоколу» дорогу в Россию, несмотря на помощь, которую в этом деле оказывали министрам Александра III реакционные иностранные правительства, «Колокол» неуклонно проникал в Россию. Его читали всюду — от студенческой мансарды до царского кабинета. Перед его обличениями трепетали министры и бюрократическая мелочь. Герцена осыпали выражениями сочувствия, пожеланиями успеха. Количество его корреспондентов неуклонно росло.

Так продолжалось до 1863 г. С этого времени началась постепенная изоляция Герцена и падение значения «Колокола». Либералы не могли простить его социалистических убеждений, нападок на дворянское землевладение и сочувствия польскому восстанию. От молодой радикально настроенной разночинной интеллигенции его отделяло неверие в прямое революционное выступление масс. Пролетарский социализм, выкристаллизовавшийся около Маркса, естественно не мог иметь ничего общего с упованием Герцена на «бытовой, непосредственный социализм» русской сельской общины.

Герцен чувствовал, что влияние «Колокола» падает. В 1864 г. он выдвигает ло-

зунг «Земля и воля» и в 1865 г., начиная с «листа» 197, прибавляет его к старому девизу «Колокола»: «Vivos voco» (живых призываю). Но влияния первых шести лет своего существования «Колокол» уже не вернул.

Первый лист «Колокола» вышел в Лондоне 1 июля 1857 г., и правильное издание журнала продолжалось ровно десять лет, по 1 июля 1867 г., когда вышел двойной 244—245 «лист». 196 «листов» напечатаны были в Лондоне, остальные в Женеве. Через полгода после прекращения русского «Колокола» Герцен стал выпускать «Kolokol (La Cloche)», revue du developpement sociale, politique et litteraire en Russie». Вышло 16 номеров на французском и 6 приложений на русском языке.

Мысль о необходимости переиздания «Колокола» не нова. Вскоре после революции 1905 г. такое переиздание предпринял Вакуловский. Но вышло только 27 номеров, имитировавших внешность Герценовского «Колокола». Какой бы то ни было комментарий отсутствовал.

Появление монументального собрания сочинений Герцена под редакцией М. К. Лемке должно было оживить мысль о пе-

реиздании «Колокола». В самом деле, М. К. Лемке включил в свое издание много анонимных статей и заметок из «Колокола», приписанных им Герцену на основании такого субъективного признака, как «стиль и тон». Решить, все ли несомненно или хотя бы предположительно принадлежащее Герцену учено М. К. Лемке, а с другой стороны, — что из числа этих анонимных опусов приписано Герцену по ошибке, а на самом деле принадлежит Огареву, детально разобраться в совместной редакторской работе Герцена и Огарева — все это будет неизмеримо легче, когда в руках исследователей будет полный текст «Колокола» с детальными комментариями.

В настоящее время сдан в производство первый выпуск размером в 80 печатных листов, из которых сорок приходится на комментарий. По внешности новое издание — точная, за исключением орфографии, имитация герценовского «Колокола». Комментарий обильно иллюстрирован. План издания отводит последний том на библиографический указатель литературы о Герцене. Все издание предположено закончить в пять лет.

СОЦИАЛЬНО-РЕВОЛЮЦИОННЫЕ СОЧИНЕНИЯ П. Л. ЛАВРОВА

Издательство Всесоюзного общества поллиткоржан и ссыльно-поселенцев приступило к изданию «Собрания избранных социально-революционных сочинений П. Л. Лаврова». Издание рассчитано на шесть томов, ориентировочно по 25 печатных листов в каждом томе. Подготавливается оно к печати И. С. Книжником-Ветровым, снабжающим все томы обширными вступительными статьями и примечаниями, раскрывающими на основании новых материалов связи Лаврова с русским и западноевропейским революционным движением с начала 60-х годов. В каждом томе дается также относящаяся к охватываемому им периоду жизни Лаврова полная аннотированная библиография всех печатных его работ (публицистических, исторических, философских, антирелигиозных, социологических, естественно-научных и военно-технических, содержащих также скрытый социально-революционный элемент). В послед-

нем томе предположено дать: 1) Вехи жизни Лаврова, 2) Алфавитный и систематический указатель статей и книг Лаврова по их заглавиям и 3) Список псевдонимов Лаврова с указанием периодических изданий и серий, в которых Лавров принимал участие под этими псевдонимами, под своей фамилией и анонимно.

В это издание войдет приблизительно лишь треть того, что напечатано Лавровым на социальные или революционные темы (печатание всего этого материала потребовало бы около 20 томов, что ясно видно из упомянутой аннотированной библиографии), войдет почти все, что писал Лавров в журнале и газете «Вперед» (1873—1876), в «Вестнике Народной Воли» (1883—1886), в нью-йоркской рабочей газете «Знамя» (1889—1890), в органе германской социал-демократии «Форвертс» (1891), в «Материалах для истории русского социально-революционного движения» с приложением «С родины и на родину» (1893—1896) и

в других изданиях, являющихся библиографической редкостью.

Хотя издание охватывает лишь печатные работы Лаврова, не касаясь вовсе его рукописей, оно содержит много материалов, которые скрыты до сих пор в архивах, куда они попали после обысков русских революционеров. Принадлежность многих статей и отдельных книг Лаврову установлена впервые при подготовке этого издания. Выявлено между прочим много ошибок различных научных библиотек и издательств, приписывающих Лаврову отдельные статьи и книги, вовсе ему не принадлежащие. Обследованы отдельные печатные работы Лаврова, имеющиеся в историко-революционных архивах и главнейших библиотеках Москвы и Ленинграда, в части архива Лаврова, оставшейся в Библиотеке Академии Наук СССР, и в части архива Лаврова, хранящейся в Берлине.

В настоящее время сданы в набор первые два тома. Первый том содержит «Биографию-исповедь» Лаврова 1885 г. с дополнениями 1889 г., большое «Письмо к издателю» (А. И. Герцену) 1857 г., статьи: «Вредные начала» (1858 г.), «Постепенно» (1862—1863 гг.), «О публицистско-популяризаторах и о естествознании» (1865 г.), «Исторические письма» (1868—1869 г. с поправками 1891 г.), «Формула прогресса г. Михайловского» (1870 г.), «По поводу критики на «Исторические письма» (1871 г.) и «Корреспонденции о Коммуне» (21 и 28 марта 1871 г.). Второй том содержит листовку «Русским дворянским студентам» (июнь 1873 г.), главнейшие статьи Лаврова из I, II и III томов журнала «Вперед» и отдельные издания «Вперед» — «По поводу самарского голода» (1874 г.) и «Русской социально-революционной молодежи», «По поводу брошюры Ткачева «Задачи революционной пропаганды в России» (1874 г.).

Из всех этих произведений Лаврова только «Исторические письма» и «Форму-

ла прогресса г. Михайловского» известны читателям, остальные же мало кому известны или совсем неизвестны даже историкам русской общественной мысли, тогда как эти статьи имеют огромное значение для точного выяснения того места, которое Лавров занимал в русской журналистике конца 50-х и в 60-е годы и в революционной эмигрантской литературе 1871—1874 гг. «Корреспонденции о Коммуне» извлечены из французской еженедельной газеты бельгийских членов Интернационала и напечатаны отдельно в «Каторге и ссылке» (1931 г., № 10). Благодаря этим статьям выясняется вопрос, был ли или не был Лавров 60-х годов далеким от общественности и революционного подполья «кабинетным ученым», а во время издания «Вперед» — «враждебным» признанию важности злободневной политики и борьбы с самодержавием.

Подготовлены почти полностью III и IV томы, содержащие главнейшее из написанного Лавровым в IV томе журнала «Вперед» и в газете «Вперед» 1875—1876 гг. и впервые открытую брошюру Лаврова «Славянский вопрос» (1876 г.), идея которой заслужила полное одобрение Карла Маркса. Сдача в редакцию двух томов задерживается вследствие большой сложности разысканий о связях Лаврова с русскими революционными кружками 70-х годов и о влиянии, которое Лавров на них оказывал (в противовес бакунистскому бунтарству) в духе политики Маркса в I Интернационале.

В дальнейшие томы войдет и все напечатанное Лавровым в немецких, французских, английских, итальянских и польских изданиях, в том числе и его речь на первом конгрессе Интернационала. В последнем томе будут даны его стихи социально-революционного содержания и письма к частным лицам (те из писем, которые обращены к целым организациям, отнесены к основному тексту сочинений Лаврова).

СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ П. Н. ТКАЧЕВА

В издательстве Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльно-поселенцев вышли четыре тома собрания избранных сочинений П. Н. Ткачева.

В этом издании собраны все основные его произведения на социально-политические и экономические темы, а также те из

его литературно-критических статей, в которых Ткачев ставит вопросы об интеллигенции, о «народе» и о господствующих классах и которые в виду этого представляют интерес не только с точки зрения истории литературы, но и в политическом отношении. Редактирует издание Б. П.

Козьмин. Ему же принадлежат вступительная статья и примечания. В последнем томе редактором дан общий обзор литературного наследия Ткачева и подробная библиография его произведений.

Помимо произведений, бывших уже в печати, в это издание вошли некоторые статьи, до сих пор в печати не появлявшиеся, воспроизводимые по сохранившимся рукописям или корректурным гранкам. В архиве III Отделения имеется ряд неопубликованных до сих пор статей Ткачева. Это, во-первых, рукописи, отобранные у Ткачева во время обыска, произведенного у него в 1866 г. после выстрела Каракозова, и во-вторых, статьи, написанные им в 1870 г. в Петропавловской крепости, где он в то время содержался в ожидании суда по процессу нечаевцев, по которому привлекался в качестве одного из обвиняемых. Статьи эти через коменданта крепости поступили на просмотр в III Отделение, где и были задержаны. Из этих статей в выходящее ныне собрание сочинений Ткачева вошли следующие: «Утопическое государство буржуазии» (об известном француз-

ском журналисте и публицисте Эмиле Жирардене), «Закон общественного самосохранения» (критика социологии Герберта Спенсера), «Наука в поэзии и поэзия в науке» (о книге Эдг. Кине «La création») и «Что такое партия прогресса» (по поводу «Исторических писем» П. Л. Лаврова). Кроме того в статье «Спасенные и спасающиеся» восстановлена по корректурным гранкам, сохранившимся в цензурном архиве, глава, вычеркнутая цензурой из этой статьи.

Вышедшее ныне собрание сочинений Ткачева впервые сделало доступными для широкого круга читателей его произведения, появившиеся за границей. Кроме статей из «Набата» в него вошли брошюры Ткачева «Задачи революционной пропаганды в России» и «Открытое письмо Фридриху Энгельсу», впервые появляющиеся в переводе на русский язык, а также корреспонденция Ткачева из Великих Лук (где он в 1872—1873 гг. находился в ссылке), напечатанная в № 2 журнала Лаврова «Вперед», и статьи из французской бланкистской газеты «Ni dieu, ni maître».